

Лекция: **Любовь** (по книге Фромма «Искусство любить»)

План:

1. Теория «либидо» З. Фрейда
2. Является ли любовь искусством
3. Теория любви
4. Любовь между родителями и детьми
5. Объекты любви
 - а. Братская любовь
 - б. Материнская любовь
 - в. Эротическая любовь
 - г. Любовь к себе
 - д. Любовь к Богу

1. Теория «либидо» З. Фрейда

Материалистическое понимание сущности человека лишает его одного из самых таинственных и замечательных чувств – любви, переводя ее в разряд инстинктов, пришедших из мира животных. З. Фрейд положил в основу размножения людей, да и всего животного мира теорию «либидо», которая вытекает из инстинкта продолжения рода, являющегося наиболее сильным из всех остальных и ничего общего с любовью не имеющего. В этом легко убедиться, прочтя лекцию №26 из его курса «Введение в психоанализ». Эта теория нанесла колоссальный вред как разрушительная сила традиционных представлений о нравственности.

Фромм не согласен Фрейдом об отношении к любви. По этому поводу в книге «Искусство любить» он пишет: «Я уже говорил прежде об ошибке Фрейда, который видел в любви исключительно выражение - или сублимацию полового инстинкта вместо того, чтобы признать, что половое желание лишь проявление потребности в любви и единстве. Но ошибка Фрейда лежит глубже. В соответствии со своим физиологическим материализмом он видит в половом инстинкте заданного химическими процессами напряжение в теле, причиняющего боль и ищущего облегчения. Цель полового желания состоит в устранении этого болезненного напряжения; половое удовлетворение состоит в достижении такого устранения. Этот взгляд имеет основание в том смысле, что половое желание действует тем же путем, что и голод или жажда, когда организм не получает достаточного питания. Половое желание, согласно данной концепции, это страстное томление, а половое удовлетворение устраняет это томление. На деле же, если принять эту концепцию сексуальности, то идеалом полового удовлетворения окажется мастурбация». Кстати Фрейд и пишет в одной из книг, что «тема мастурбации неисчерпаема». Далее Фромм обвиняет Фрейда в том, что он вообще не рассматривает женскую сексуальность, сосредоточив внимание только на мужской.

Он выразил эту идею в работе "Три взгляда на теорию пола", говоря, что по Фрейду либидо имеет мужскую природу, независимо от того, где оно проявляется, в мужчине или женщине. Та же идея, в рационализированной

форме, выражена в фрейдовской теории, где маленький мальчик воспринимает женщину как кастрированного мужчину. Но женщина это не кастрированный мужчина, и ее сексуальность специфически женская и не относится к "мужской природе". Фрейд игнорирует психобиологический аспект сексуальности, женско-мужскую полярность и желание преодолеть эту полярность путем единения. То есть влечение между мужчиной и женщиной возникает кроме прочего и в силу их различной социальной и духовной роли. Сила и воля, средоточием которых является мужчина, являются противоположностью нежности и мягкости, которыми обладает женщина, а в совокупности эти качества создают моральный климат семьи, призванной воспитывать детей.

Фрейд считал любовь иррациональным феноменом. Разница между иррациональной любовью и любовью, как выражением зрелой личности, для него не существует. Влюбленность всегда граничит с ненормальностью, она всегда сопровождается безрассудностью в отношении действительности, подчиненностью слепой силе и является перенесением с объектов детской любви. Любовь как разумный феномен, как вершина достигнутой зрелости, не составляла для Фрейда предмета исследования, поскольку она для него вообще реально не существовала.

Согласно Фрейду, полное и ничем не сдерживаемое удовлетворение всех инстинктивных желаний, даже животных, вело бы к духовному здоровью и счастью. Но очевидные клинические факты показывают, что мужчина - или женщина - которые посвящают свою жизнь неограниченному сексуальному удовлетворению, не достигают счастья и более того часто страдают от острых невротических заболеваний. Полное удовлетворение всех инстинктивных потребностей не только не дает основы для счастья, но даже не гарантирует психического здоровья.

2. Является ли любовь искусством

Фромм в своей книге «Искусство любить» хочет убедить читателя, что все его попытки любви обречены на неудачу, если он не стремится более активно развивать свою личность, что удовлетворение в индивидуальной любви не может быть достигнуто без способности любить своего ближнего, без истинной человечности, отваги, веры и дисциплины.

Является ли любовь искусством? Если да, то она требует знания и усилия. Или, может быть, любовь - это приятное чувство, испытать которое - дело случая, нечто такое, что выпадает человеку в случае удачи. Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтобы любить, уметь любить. К достижению этой цели они идут несколькими путями. Первый, которым обычно пользуются мужчины, заключается в том, чтобы стать удачливым, сильным и богатым. Путь, используемый обычно женщинами, состоит в том, чтобы сделать себя привлекательной, тщательно следя за своим телом, одеждой и т. д. Очевидно, что для большинства людей нашей культуры умение возбуждать

любовь это, в сущности, соединение симпатичности и сексуальной привлекательности.

Люди думают, что любить просто, а вот найти подлинный объект любви, - или оказаться любимым этим объектом, - трудно. В течение нескольких последних поколений всеобщим стало понятие романтической любви. Вся наша культура основана на жажде покупать, на идее взаимовыгодного обмена. Счастье современного человека состоит в радостном волнении, которое он испытывает, глядя на витрины магазина и покупая все, что он может позволить себе купить. Он (или она) и на людей глядят подобным образом. Для мужчины привлекательная женщина - для женщины привлекательный мужчина - это добыча, которой они являются друг для друга. Привлекательность обычно означает красивую упаковку свойств, которые популярны и искомы на личном рынке. Что особенно делает человека привлекательным - это зависит от моды данного времени, как физической, так и духовной.

Я ищу выгоды: объект должен быть желанным с точки зрения социальной ценности, и в то же время должен сам желать меня, учитывая мои скрытые и явные достоинства и возможности. Два человека влюбляются тогда, когда чувствуют, что нашли наилучший объект, имеющийся на рынке, учитывая при этом границы собственного обменного фонда. Едва ли стоит удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам, которые управляют и рынком.

Третье заблуждение, ведущее к убежденности, что в любви ничему не надо учиться, состоит в смешении первоначального чувства влюбленности с перманентным состоянием пребывания в любви. Если двое чужих друг другу людей, какими все мы являемся, вдруг позволят разделяющей их стене рухнуть, этот момент единства станет одним из самых волнующих переживаний в жизни. В нем все наиболее прекрасное и чудодейственное для людей, которые были прежде разобщены, изолированы, лишены любви. Это чудо неожиданной близости часто случается легче, если она начинается с физического влечения и его удовлетворения. Однако такого типа любовь по самой своей природе не долговечна. Два человека все лучше узнают друг друга, их близость все более и более утрачивает чудесный характер, пока, наконец, их антагонизм, их разочарование, их пресыщенность друг другом не убивает то, что осталось от их первоначального волнения.

Процесс обучения искусству любви можно последовательно разделить на два этапа: первый - овладение теорией; второй - овладение практикой. Но наряду с теорией и практикой существует третий фактор, необходимый для того, чтобы стать мастером в любом искусстве - овладение искусством должно стать предметом наивысшего сосредоточения; не должно существовать в мире ничего более важного, чем это искусство. Это относится к музыке, медицине, к столярному искусству - а также и к любви.

Вопреки глубоко коренящейся жажде любви, почти все иное считается едва ли не более важным, чем любовь: успех, престиж, деньги, власть. Почти вся наша энергия употребляется на обучение достижению этих целей, и почти никакой - на обучение искусству любви.

3. Теория любви

Любая теория любви должна начинаться с теории человека, человеческого существования. Хотя мы обнаруживаем любовь, вернее эквивалент любви, уже у животных, их привязанности являются, в основном, частью их инстинктивной природы; у человека же действуют лишь остатки этих инстинктов. Глубочайшую потребность человека составляет потребность преодолеть свою отделенность от другого, покинуть тюрьму своего одиночества. Во все времена во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: как преодолеть отделенность, как достичь единства, как выйти за пределы своей собственной индивидуальной жизни и обрести единение. Этот вопрос оставался тем же для примитивного человека, жившего в пещерах, для кочевника, заботившегося о своих стадах, для крестьянина в Египте, для финикийского купца, для римского солдата, для средневекового монаха, для японского самурая, для современного клерка и фабричного рабочего. В древних обществах это единение достигалось путем слияния со своим родом или племенем. Современные этнографы говорят, что в древности интересы группы были важнее интересов индивидуума и видят в этом признак отсталости. Хотя подобное слияние индивидуальностей в коллектив давало психологическое чувство единства, защищенности, а следовательно комфорта.

С развитием культуры группа увеличивается: она становится сообществом граждан полиса, сообществом граждан большого государства, сообществом членов церкви. Даже бедный римлянин испытывал чувство гордости «Я – гражданин Рима», потому что Рим и империя были его семьей, его домом, его миром. Единение с группой является еще и ныне в современном западном обществе преобладающим способом преодоления отделенности.

Сегодня большинство людей следует путем стандартизации своей жизни, желаний и поведения. Такая стандартизация создает иллюзию единения с другими. Человек становится, как говорят, "от девяти до пяти", частью армии рабочих или бюрократической армии клерков и управляющих. У него мало инициативы, его задачи предписаны организацией данной работы, и существует мало различия даже между теми, кто на верху лестницы, и теми, кто внизу. Даже их чувства предписаны: бодрость, терпимость, надежность, чувство собственного достоинства и способность без трений вступать в контакт с другими людьми. Развлечения тоже сходным образом заданы, хотя и не так жестко. Случаи алкоголизма, наркомании, эротомании и самоубийств в современном обществе являются симптомами этой неудачи в единении. Как может человек, захваченный в эту сеть шаблона, не забыть, что он человек, уникальный индивид, тот

единственный, кому дан его единственный шанс прожить жизнь, с надеждами и разочарованиями, с печалью и страхом, со стремлением любить и ужасом перед уничтожением и одиночеством?

Третий путь обретения единства состоит в творческой деятельности, в том, чтобы стать артистом или мастером. В любом виде творческой работы творческий человек объединяет себя со своим материалом, репрезентирующим внешний мир. Делает ли столяр стол, создает ли ювелир элемент драгоценного изделия, выращивает ли крестьянин свое зерно, рисует ли художник картину, во всех видах творческой деятельности творец и его предмет становятся чем-то единым, в процессе творения человек объединяет себя с миром. Это однако верно только для созидательного труда, труда, в котором я сам планирую, произвожу, вижу результат своего труда. В современном рабочем процессе клерка, рабочего на бесконечном конвейере мало что осталось от этого объединяющего свойства труда. Рабочий стал придатком машины или бюрократической организации. Перестал быть самим собой - а значит для единения не осталось места, если не считать единения приспособления.

Желание межличностного слияния - наиболее мощное стремление в человеке. Это наиболее фундаментальное влечение, это сила, которая заставляет держаться вместе членов человеческого рода, клана, семьи, общества. Неудача в его достижении ведет к безумию или уничтожению - уничтожению себя и других. Без любви человечество не могло бы просуществовать и дня. Однако ж, если мы называем достижение межличностного союза любовью, мы сталкиваемся с серьезной трудностью. Слияние может быть достигнуто различными способами, и различие их имеет не меньше значения, чем то общее, что свойственно различным формам любви. Все ли они должны называться любовью?

Любовь - это активная сила в человеке, сила, которая рушит стены, отделяющие человека от его ближних; которая объединяет его с другими; любовь помогает ему преодолеть чувство изоляции и одиночества; при этом позволяет ему оставаться самим собой, сохранять свою целостность. В любви имеет место парадокс: два существа становятся одним и остаются при этом двумя.

Любовь - это активность, а не пассивный аффект, это помощь, а не увлечение. В наиболее общем виде активный характер любви можно описать посредством утверждения, что любовь значит прежде всего давать, а не брать. Наиболее широко распространено неверное мнение, что давать - это значит отказаться от чего-то, стать лишенным чего-то, жертвовать. Именно так воспринимается акт давания человеком, чей характер не развился выше ориентации на эксплуатацию или накопление. Торгашеский характер готов давать только в обмен на что-либо. Давать, ничего не получая взамен, это для него значит быть обманутым. Для продуктивного характера давание имеет совершенно иное значение. Давание - это высшее проявление силы. В каждом акте давания я осуществляю свою силу, свое богатство, свою власть.

Такое переживание высокой жизнеспособности и силы наполняет меня радостью. Я чувствую себя уверенным, способным на большие затраты сил, полным жизни и потому радостным. Давать - более радостно, чем брать не потому, что это лишение, а потому, что в этом акте давания проявляется выражение моей жизнеспособности.

В сфере материальных вещей давать означает быть богатым. Не тот богат, кто имеет много, а тот, кто много отдает. Скупец, который беспокойно тревожится, как бы чего не лишиться, в психологическом смысле - нищий, бедный человек, несмотря на то, что он много имеет. А всякий, кто в состоянии отдавать себя, - богат. Он ощущает себя человеком, который может дарить себя другим. Но повседневный опыт показывает, что то, что человек считает минимальными потребностями, во многом зависит как от его характера, так и от его актуальных возможностей. Хорошо известно, что бедняки дают с большей готовностью, чем богачи.

Наиболее важная сфера давания это, однако, не сфера материальных вещей, а духовная сфера. Что один человек дает другому. Он дает себя, самое драгоценное из того, что имеет, он дает свою жизнь. Но это не обязательно должно означать, что он жертвует свою жизнь другому человеку. Он дает ему то, что есть в нем живого, он дает ему свою радость, свой интерес, свое понимание, свое знание, свой юмор, свою печаль - все переживания и все проявления того, что есть в нем живого. Этим даванием своей жизни он обогащает другого человека, увеличивает его чувство жизнеспособности. Он дает не для того, чтобы брать; давание само по себе составляет острое наслаждение. Но, давая, он не может не вызывать в другом человеке чего-то такого, что возвращается к нему обратно: истинно давая, он не может не брать то, что дается ему в ответ. Давание побуждает другого человека тоже стать дающим, и они оба разделяют радость, которую внесли в жизнь. Чем более недостает человеку этих черт, тем более он боится отдавать себя - а значит любить.

Действенный характер любви становится очевидным и в том, что она всегда предполагает определенный набор элементов, общих всем формам любви. Это забота, ответственность, уважение и знание. Забота наиболее очевидно проявляется в любви матери к своему ребенку. Никакое ее заверение в любви не убедит нас, если мы увидим отсутствие у нее заботы о ребенке, если она пренебрегает кормлением, не купает его, не старается полностью его обиходить; но когда мы видим ее заботу о ребенке, мы всецело верим в ее любовь.

Забота и заинтересованность ведут к другому аспекту любви: к ответственности. Сегодня ответственность часто понимается как налагаемая обязанность, как что-то навязанное извне. Но ответственность в ее истинном смысле это от начала до конца добровольный акт. Быть "ответственным" значит быть в состоянии и готовности отвечать". Он чувствует ответственность за всех ближних, как он чувствует ответственность за самого себя.

Ответственность могла бы легко вырождаться в желание превосходства и господства, если бы не было компонента любви: уважения. Уважение - это не страх и благоговение; оно означает способность видеть человека таким, каков он есть, осознавать его уникальную индивидуальность. Уважение означает желание, чтобы другой человек рос и развивался таким, каков он есть. Уважение, таким образом, предполагает отсутствие эксплуатации. Уважение существует только на основе свободы. Уважать человека невозможно, не зная его; забота и ответственность были бы слепы, если бы их не направляло знание. Знание было бы пустым, если бы его мотивом не была заинтересованность. Это возможно только тогда, когда я могу переступить пределы собственного интереса и увидеть другого человека в его собственном проявлении.

До сих пор мы говорили о любви, как преодолении человеческого одиночества, осуществлении страстного желания единства. Но над всеобщей жизненной потребностью в единстве возвышается более специфическая, биологическая потребность: желание единства мужского и женского полов. Идея этой поляризации наиболее сильно выражена в мифе о том, что первоначально мужчина и женщина были одним существом, потом были разделены на половинки, и поэтому каждая мужская половинка ищет прежнюю женскую часть себя, чтобы объединиться с ней опять. (Та же самая идея первоначального единства полов содержится в библейской истории о том, что Ева была создана из ребра Адама, хотя в этой истории, в духе патриархальности, женщина считается существом второстепенным.) Значение мифа достаточно ясно. Половая поляризация заставляет человека искать единства особым путем, как единства с человеком другого пола. Полярность между мужским и женским началом существует также внутри каждого мужчины и каждой женщины. Как физиологически каждые мужчина и женщина имеют противоположные половые гормоны, также дуполы они и в психологическом отношении. Они несут в самих себе начала, заставляющие получать и проникать вглубь, начала материи и духа. Мужчина и женщина обретают внутреннее единство только в единстве своей мужской и женской полярности. Эта полярность составляет основу всякого созидания. (Гомосексуальное отклонение - это неспособность достижения поляризованного единства, и следовательно гомосексуалист страдает от непреодолимого одиночества; этой беде подвержен и гетеросексуалист, неспособный к любви).

4. Любовь между родителями и детьми

Уже родившись, младенец почти не отличается от себя такого, каким он был до момента рождения; он не может осознать себя и мир, как нечто, существовавшее вне его. Он воспринимает только положительное действие тепла и пищи, и не отличает еще тепло и пищу от их источника: матери. Мать - это тепло, мать - это пища, мать - это эйфорическое состояние удовлетворения и безопасности. Такое состояние, употребляя термин Фрейда, это состояние нарциссизма. Когда ребенок растет и развивается, он

становится способным воспринимать вещи как они есть; удовлетворение в питании становится отличным от соска; грудь от матери. В конце концов ребенок воспринимает жажду, удовлетворение молоком, грудь и мать как различные сущности. Он учится обходиться с людьми: мать улыбается, когда я ем, она берет меня на руки, когда я плачу, она похвалит меня, если я облегчусь. Все эти переживания кристаллизуются и объединяются в одном переживании: я любим. Я любим, потому что я - ребенок своей матери. Я любим потому что я беспомощен. Я любим, потому что я прекрасен, чудесен. Я любим, потому что мать нуждается во мне. Это можно выразить в более общей форме: Я любим за то, что я есть, или по возможности еще более точно: Я любим, потому что это я. Для большинства детей в возрасте от 8-10 1/2 лет проблема почти исключительно в том, чтобы быть любимым - быть любимым за то, что они есть. Ребенок младше этого возраста еще не способен любить; он благодарно и радостно принимает то, что он любим.

Затем в развитии ребенка появляется новый фактор: это новое чувство способности возбуждать своей собственной активностью любовь. В первый раз ребенок начинает думать о том, как бы дать что-нибудь матери (или отцу), создать что-нибудь - стихотворение, рисунок или что бы то ни было. В первый раз в жизни ребенка идея любви из желания быть любимым переходит в желание любить, в сотворение любви. Потребности другого человека становятся также важны, как собственные - на деле же они становятся даже более важными. Давать становится куда более приятно, более радостно, чем получать; любить даже более важно, чем быть любимым. Вот этот момент в наше время родители часто упускают и ребенок остается душевным инвалидом способным только брать.

Любя, человек покидает тюрьму своего одиночества и изоляции, которые образуются состоянием нарциссизма и сосредоточенности на себе. Человек чувствует смысл нового единства, объединения, слиянности. Более того, он чувствует возможность возбуждать любовь своей любовью - и ставит ее выше зависимости получения, когда любят его - из-за того, что он мал, беспомощен, болен - или "хорош". Детская любовь следует принципу: "Я люблю, потому что я любим". Зрелая любовь следует принципу: "Я любим, потому что я люблю". Незрелая любовь говорит: "Я люблю тебя, потому что я нуждаюсь в тебе". С развитием способности любить тесно связано развитие объекта любви. Первые месяцы и годы это тот период жизни, когда ребенок наиболее сильно чувствует привязанность к матери. Однако день за днем он становится все более независимым: он учится ходить, говорить, самостоятельно открывать мир; связь с матерью несколько утрачивает свое жизненное значение и вместо нее все более и более важной становится связь с отцом.

Отцовская любовь

Чтобы понять этот поворот от матери к отцу, мы должны принять во внимание существенное различие между материнской и отцовской любовью. Материнская любовь по самой своей природе безусловна. Безусловная

любовь восполняет одно из глубочайших томлений не только ребенка, но и каждого человеческого существа; с другой стороны, быть любимым из-за собственных достоинств, потому что ты сам заслужил любовь - это всегда связано с сомнениями: а вдруг я не нравлюсь человеку, от которого я хочу любви? А вдруг то, а вдруг это - всегда существует опасность, что любовь может исчезнуть. Далее, "заслуженная" любовь всегда оставляет горькое чувство, что ты любим не сам по себе, что ты любим только потому, что приятен, что ты, в конечном счете, не любим вовсе, а используем. Неудивительно, что все мы томимся по материнской любви, и будучи детьми, и будучи взрослыми.

Связь с отцом совершенно другая. Мать - это дом, из которого мы уходим, это природа, океан; отец не представляет никакого такого природного дома. Он имеет слабую связь с ребенком в первые годы его жизни, и его важность для ребенка в этот период не идет ни в какое сравнение с важностью матери. Но хотя отец не представляет природного мира, он представляет другой полюс человеческого существования: мир мысли, вещей, созданных человеческими руками, закона и порядка, дисциплины, путешествий и приключений. Отец - это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в мир.

С этой функцией тесно связана та, которая имеет дело с социально-экономическим развитием. Когда частная собственность возникла и когда она могла быть унаследована одним из сыновей, отец начал с нетерпением ждать появления сына, которому он мог бы оставить свою собственность. Естественно, что им оказывался тот сын, которого отец считал наиболее подходящим для того, чтобы стать наследником, сын, который был более всего похож на отца, и, следовательно, которого он любил больше всех. Отцовская любовь это обусловленная любовь. Ее принцип таков: "Я люблю тебя, потому что ты удовлетворяешь моим ожиданиям, потому что ты исполняешь свои обязанности, потому что ты похож на меня".

В самой природе отцовской любви заключено, что послушание становится основной добродетелью, непослушание - главным грехом. И наказанием за него является утрата отцовской любви. Важна и положительная сторона. Поскольку отцовская любовь обусловлена, то я могу что-то сделать, чтобы добиться ее, я могу трудиться ради нее; отцовская любовь не находится вне пределов моего контроля, как любовь материнская.

Функция матери - обеспечить ребенку безопасность в жизни, функция отца - учить его, руководить им, чтобы он смог справиться с проблемами, которые ставит перед ребенком то общество, в котором он родился. В идеальном случае материнская любовь не пытается помешать ребенку взрослеть, не пытается назначить награду за беспомощность. Мать должна иметь веру в жизнь, не должна быть тревожной, чтобы не заражать ребенка своей тревогой. Частью ее жизни должно быть желание, чтобы ребенок стал независимым, и, в конце концов, отделился от нее. Отцовская любовь

должна быть направляема принципами и ожиданиями; она должна быть терпеливой и снисходительной, а не угрожающей и авторитетной. Она должна давать растущему ребенку все возрастающее чувство собственной силы и, наконец, позволить ему стать самому для себя авторитетом и освободиться от авторитета отца.

В конечном счете, зрелый человек приходит к тому моменту, когда он сам становится и своей собственной матерью и своим собственным отцом. Зрелый человек соединяет в себе материнское и отцовское сознание несмотря на то, что они, казалось бы, противоположны друг другу. Если бы он обладал только отцовским сознанием, он был бы злым и бесчеловечным. Если бы он обладал только материнским сознанием, он был бы склонен к утрате здравого суждения и препятствовал бы себе и другим в развитии.

Человек может остаться зафиксированным на ранней привязанности к матери и развиться в человека, который зависит от матери, чувствует беспомощность, обладает ярко выраженными чертами рецептивного характера, склонного подвергаться влиянию, быть опекаемым, нуждаться в заботе, и которому недостает отцовских качеств - дисциплины, независимости, способности самому быть хозяином своей жизни. Он может стараться найти "мать" в смысле авторитета и власти в ком угодно, как в женщинах, так и в мужчинах. Если же, с другой стороны, мать холодна, неотзывчива и властна, он может перенести потребность в материнской опеке на своего отца и на последующие отцовские образы - в этом случае конечный результат схож с предыдущим. Или он разовьется в человека, односторонне ориентированного на отца, полностью подчиненного принципам закона, порядка и авторитета, и лишенного способности ожидать и получать безусловную любовь. Это развитие будет все усиливаться, если отец авторитарен и в то же время сильно привязан к сыну.

5. Объекты любви

Любовь это не обязательно отношение к определенному человеку; это установка, ориентация характера, которая задает отношения человека к миру вообще, а не только к одному "объекту" любви. Если человек любит только какого-то одного человека и безразличен к остальным близким, его любовь это не любовь, а симбиотическая зависимость или преувеличенный эгоизм. Большинство людей все же уверены, что любовь зависит от объекта, а не способности. Они даже уверены, что это доказывает силу их любви, раз они не любят никого, кроме "любимого" человека. Здесь то же заблуждение, о котором уже упоминалось выше. Но если я действительно люблю какого-то человека, я люблю всех людей, я люблю мир, я люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то "я люблю тебя", я должен быть способен сказать "я люблю в тебе все", "я люблю благодаря тебе весь мир, я люблю в тебе самого себя". Существует различия между разными типами любви, зависимыми от видов любимого объекта.

а. Братская любовь

Наиболее фундаментальный вид любви, составляющий основу всех типов любви, это братская любовь. Под ней подразумевают ответственность, заботу, уважение, знание какого-либо другого человеческого существа, желание продлить его жизнь. Об этом виде любви идет речь в Библии, когда говорится: "возлюби ближнего своего, как самого себя". Братская любовь это любовь ко всем человеческим существам; ее характеризует полное отсутствие предпочтения. Если я развил в себе способность любви, я не могу не любить своих братьев. В братской любви наличествует переживание единства со всеми людьми, человеческой солидарности, человеческого единения. Братская любовь основывается на чувстве, что все мы - одно. Различия в талантах, образовании, знании не принимаются в расчет, главное здесь - идентичность человеческой сущности, общей всем людям. Братская любовь это любовь между равными; но даже равные не всегда "равны". Как люди, все мы нуждаемся в помощи. Сегодня я, завтра ты. Но потребность в помощи не означает, что одни беспомощны, а другой всемогущ. Беспомощность это временное состояние; способность обходиться собственными силами это постоянное и общее состояние.

И все же любовь к беспомощному человеку, любовь к бедному и чужому это начало братской любви. Нет достижения в том, чтобы любить человека одной с тобой крови. Животные любят своих детенышей и заботятся о них. Беспомощный любит своего господина, так как от того зависит его жизнь, ребенок любит своих родителей, так как он нуждается в них. Любовь начинает проявляться, только когда мы любим тех, кого не можем использовать в своих целях. Примечательно, что в Ветхом завете центральный объект человеческой любви - бедняк, чужак, вдова и сирота, и в конце концов национальный враг - египтянин и эдомитянин. Испытывая сострадание к беспомощному существу, человек учится любить и своего брата; любя себя самого, он также любит того, кто нуждается в помощи, слабое, незащищенное человеческое существо.

б. Материнская любовь

Мы уже касались вопроса материнской любви, но здесь должно быть сделано одно важное дополнение. Утверждение жизни ребенка имеет два аспекта: один - это забота и ответственность, абсолютно необходимые для сохранения жизни ребенка и его роста. Другой аспект выходит за пределы простого сохранения жизни. Это установка, которая внушает ребенку любовь к жизни, которая дает ему почувствовать, что хорошо быть живым, хорошо быть маленьким мальчиком или девочкой, хорошо жить на этой земле! Два этих аспекта материнской любви лаконично выражены в библейском рассказе о творении. Бог создал мир и человека. Это соответствует простой заботе и утверждению существования. Но бог вышел за пределы этого минимального требования. Всякий день после творения природы - и человека - бог говорит: "Это хорошо". Материнская любовь на этой второй ступени заставляет ребенка почувствовать, как хорошо родиться на свет; она внушает ребенку любовь к жизни, а не только желание

оставаться жизнеспособным. Та же идея может быть выражена и другим библейским символом. Земля обетованная (земля это всегда материнский символ) описана как "изобилующая молоком и медом". Молоко это символ первого аспекта любви, заботы и утверждения. Мед символизирует радость жизни, любовь к ней, и счастье быть живым. Большинство матерей способны дать "молоко", но лишь меньшинство дает также "мед". Чтобы быть способной давать мед, мать должна быть не только хорошей матерью, но и счастливым человеком, а эта цель достигается немногими. Воздействие матери на ребенка едва ли может быть преувеличено. Материнская любовь к жизни так же заразительна, как и ее тревога. Обе установки имеют глубокое воздействие на личность ребенка в целом: среди детей и взрослых можно выделить тех, кто получил только "молоко", и тех, кто получили и "молоко", и "мед".

Из-за альтруистического, бескорыстного характера материнская любовь считается высшим видом любви и наиболее священной из всех эмоциональных связей. Представляется все же, что действительным достижением материнской любви является не любовь матери к младенцу, а ее любовь к растущему ребенку. Действительно, огромное большинство матерей - любящие матери, пока ребенок мал и полностью зависим от них. Большинство матерей хотят детей, они счастливы с новорожденным ребенком и погружены в заботу о нем. И это несмотря на то, что они ничего не получают от ребенка в ответ, кроме улыбки или выражения удовольствия на лице. Эта установка на любовь отчасти коренится в инстинктивной природе, которую можно обнаружить у самок животных. Но наряду с важностью инстинктивного фактора существуют еще специфически человеческие психологические факторы, ответственные за этот тип материнской любви. Один из них может быть обнаружен в нарциссистском элементе материнской любви. Ввиду того, что ребенок воспринимается как часть ее самой, любовь и слепое обожание матери могут быть удовлетворением ее нарциссизма. Ребенок, существо беспомощное и полностью зависимое от ее воли, это естественный объект удовлетворения для женщины, властной и обладающей собственническими чертами.

Сама сущность материнской любви – забота о росте ребенка - предполагает желание, чтобы ребенок отделился от матери. В этом основное ее отличие от любви эротической. В эротической любви два человека, которые были разделены, становятся едины. В материнской любви два человека, которые были едины, становятся отдельными друг от друга. Мать должна не просто терпеть, а именно хотеть и поддерживать отдаление ребенка. Материнская любовь к растущему ребенку, любовь, которая ничего не желает для себя, это, возможно, наиболее трудная форма любви из всех достижимых, и наиболее обманчивая из-за легкости, с которой мать может любить своего младенца. Женщина, которая не в состоянии любить в этом смысле, может быть нежной матерью, пока ребенок мал, но она не может

быть любящей матерью, чья задача в том, чтобы быть готовой перенести отделение ребенка - и даже после отделения продолжать любить его.

в. Эротическая любовь

Братская любовь - это любовь между равными; материнская любовь - это любовь к беспомощному существу. Противоположность обоим этим типам любви составляет эротическая любовь, она жаждет полного слияния, единства с единственным человеком. Она по самой своей природе исключительна, а не всеобща; к тому же, вероятно, это самая обманчивая форма любви.

Кроме того существуют другие факторы, которые для многих людей означают преодоление отчужденности. Этим можно объяснить извращенность влечения друг к другу, которое в супружеских парах часто испытывают люди, кажущиеся себе близкими только тогда, когда они находятся в постели или дают выход своей взаимной ненависти и ярости. Но во всех этих случаях близость имеет тенденцию с течением времени сходиться на нет. В результате - поиски близости с новым человеком, с новым чужим. Опять чужой превращается в близкого, опять напряженное и сильное переживание влюбленности. И опять она мало-помалу теряет свою силу и заканчивается желанием новой победы, новой любви - при иллюзии, что новая любовь будет отличаться от прежних. Этим иллюзиям в значительной степени способствует обманчивый характер полового желания.

Половое желание может быть внушено не только любовью, но также и тревогой и одиночеством, жаждой покорять и быть покоренным, тщеславием, потребностью причинять боль и даже унижать. Оказывается, половое желание вызывается или легко сливается с любой другой сильной эмоцией, лишь одной из которых является любовь. Из-за того, что половое желание в понимании большинства людей соединено с идеей любви, они легко впадают в заблуждение, что они любят друг друга, когда их физически влечет друг к другу. Когда желание полового слияния вызвано любовью, то физическая близость лишена жадности, потребности покорять или быть покоренным, но исполнена нежности. Если желание физического соединения вызвано не любовью, если эротическая любовь еще не дополняется братской любовью, это никогда не поведет к единству, которое было бы чем-то большим, чем оргиастическое преходящее единение. Половое влечение создает на краткий миг иллюзию единства, однако без любви это единство оставляет чужих такими же чужими друг другу, какими они были прежде. Иногда оно заставляет их стыдиться и даже ненавидеть друг друга, потому что когда иллюзия исчезает, они ощущают свою отчужденность еще сильнее, чем прежде. Нежность не означает, как думал Фрейд, сублимацию полового инстинкта; это прямой результат братской любви, и она присутствует как в физической, так и в нефизической формах любви.

В эротической любви есть предпочтительность, которой нет в братской и материнской любви. Часто предпочтительность эротической

любви неверно интерпретируется как привязанность, основанная на обладании. Нередко можно найти двух людей, влюбленных друг в друга и не испытывающих любви больше ни к кому. На самом деле их любовь это эгоизм двоих. Два человека отождествляются друг с другом и решают проблему одиночества, увеличивая единичную индивидуальность вдвое. Они достигают чувства преодоления одиночества, однако, поскольку они отделены от всего остального человечества, они остаются отделенными и друг от друга, и каждый из них отчужден от самого себя. Их переживание единства - иллюзия. Эротическая любовь делает предпочтение, но в другом человеке она любит все человечество, все, что есть живого. Она предпочтительна только в том смысле, что я могу соединить себя целиком и прочно с одним человеком. Эротическая любовь исключает любовь к другим только в смысле эротического слияния, полного соединения во всех аспектах жизни - но не в смысле глубокой братской любви.

Считается, что любовь должна явиться результатом спонтанной, эмоциональной вспышки, внезапно возникшего непреодолимого чувства. Любовь к кому-либо это не просто сильное чувство, - это решимость, это разумный выбор, это обещание. Если бы любовь была только чувством, то не было бы основания обещать любить друг друга вечно. Чувство приходит и уходит. Как я могу знать, что оно останется навечно, если мое действие не включает разумного выбора и решения? Так как все мы - одно, мы можем любить каждого человека братской любовью. Но ввиду того, что все мы еще и различны, эротическая любовь требует определенных особенных, в высшей степени индивидуальных элементов, которые наличествуют у отдельных людей, но не у всех.

2. Любовь к себе

Хотя не вызывает возражения применение понятия любви к различным объектам, широко распространено мнение, что любить других людей - добродетельно, а любить себя - грешно. Считается, что в той мере, в какой я люблю себя, я не люблю других людей, что любовь к себе это то же, что и эгоизм. Возникают вопросы, подтверждают ли психологические исследования тезис, что есть существенное противоречие между любовью к себе и любовью к другим людям? Но если добродетельно любить своего ближнего, как человеческое существо, должно быть добродетелью - а не пороком - любить и себя, так как я тоже человеческое существо. Нет такого понятия человека, в которое не был бы включен и я сам. Доктрина, которая провозглашает такое исключение, доказывает, что она сама внутренне противоречива. Идея, выраженная в библейском "возлюби ближнего как самого себя", подразумевает, что уважение к собственной целостности и уникальности, любовь к самому себе и понимание себя не могут быть отделены от уважения, понимания и любви к другому индивиду. Любовь к своему собственному "я" нераздельно связана с любовью к любому другому существу.

Установка на любовь к себе будет обнаружена у всех, кто способен любить других. Любовь к кому-то это осуществление и сосредоточение способности любить. Основной заряд, содержащийся в любви, направлен на любимого человека как на воплощение существеннейших человеческих качеств. Любовь к одному человеку предполагает любовь к человеку как таковому. Из этого следует, что мое собственное "я" должно быть таким же объектом моей любви, как и другой человек.

Эгоистичный человек интересуется только собой, желает всего только для себя, чувствует удовлетворение не тогда, когда отдает, а когда берет. На внешний мир он смотрит только с точки зрения того, что он может получить от него; у этого человека отсутствует интерес к потребностям других людей и уважение к их достоинству и целостности. Он не может видеть ничего, кроме самого себя; всё и вся он оценивает с позиции полезности ему; он в принципе не способен любить.

Эгоистичный человек любит себя не слишком сильно, а слишком слабо, а на самом же деле он ненавидит себя. Отсутствие нежности и заботы о себе, которые составляют только частное выражение отсутствия созидательности, оставляет его пустым, с несбывшимися надеждами. Он неизбежно несчастен и тревожно силится урвать у жизни удовольствия, получению которых сам же и препятствует. Кажется, что он слишком много заботится о себе, но, в действительности, он только делает безуспешные попытки скрыть и компенсировать свой провал в деле заботы о своем собственном "я".

Эти идеи любви к себе нельзя суммировать лучше, чем цитируя на эту тему Мейсгера Экхарта: "Если ты любишь себя, ты любишь каждого человека так же, как и себя. Если же ты любишь другого человека меньше, чем себя, то в действительности ты не преуспел в любви к себе, но если ты любишь всех в равной мере, включая и себя, ты будешь любить их как одну личность, и личность эта есть и бог и человек. Следовательно, тот великая и праведная личность, кто, любя себя, любит всех других одинаково".

Любовь к Богу

В истории рода человеческого мы видим - и можем предвидеть наперед - то же развитие: от первоначальной любви к богу, как беспомощной привязанности к матери-богине, через послушную привязанность к богу-отцу, к зрелой стадии, когда бог перестает быть внешней силой, когда человек вбирает в себя принципы любви и справедливости, когда он становится единым с богом, и наконец, к точке, где он говорит о боге только в поэтическом, символическом смысле.

Из этих размышлений следует, что любовь к богу нельзя отделить от любви к своим родителям. Если человек не освобождается от кровной привязанности к матери, клану, народу, если он сохраняет детскую зависимость от карающего и вознаграждающего отца или какого-либо иного авторитета, он не может развить в себе более зрелую любовь к богу; следовательно, его религия является такой, какой она была на ранней стадии

развития, когда бог воспринимался как опекающая всех мать или карающий-вознаграждающий отец.

В современной религии мы находим все стадии, от самого раннего и примитивного развития до высшей стадии. Слово "бог" обозначает как племенного вождя, так и "абсолютное ничто". Таким же образом, и каждый индивид сохраняет в себе, в своем бессознательном, как было показано Фрейдом, все стадии, начиная со стадии беспомощного младенца. Вопрос в том, до какой стадии человек дорос. Одно вполне определено: природа его любви к богу соответствует природе его любви к человеку, и далее, действительный характер его любви к богу и человеку часто остается бессознательным, будучи скрыт и рационализирован более зрелой мыслью о том, что есть его любовь. Далее, любовь к человеку, хотя непосредственно она вплетена в его отношения со своей семьей, в конечном счете определяется структурой общества, в котором он живет.

Литература:

Э. Фромм. Душа человека. Искусство любить. М. 1992. С. 109-153